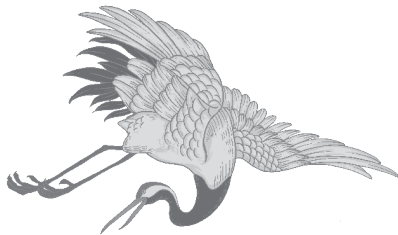

«Ты видел его и узнал себя в нем... молодом и беспечном, несущем спасение и потрясающую красоту»

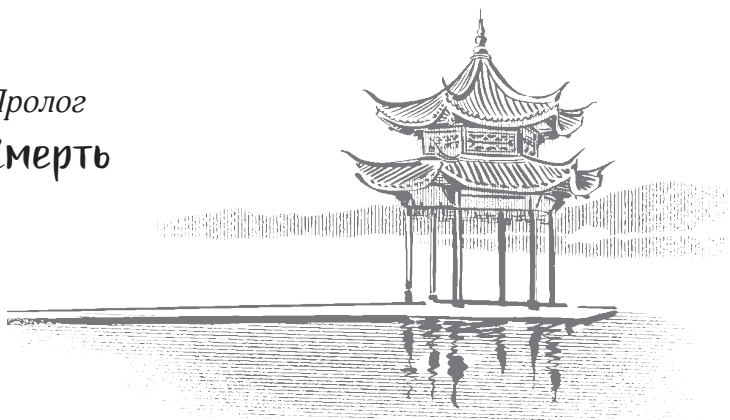
*Амвросий, De obitu Theodosii oratio,
цит. по П.Браун «Культ святых»*

«Ибо мир фэйри неуклонно отступает
все дальше от мира, где правит Христос»

*Мэрион Зиммер Брэдли
«Туманы Авалона»*

Пролог Смерть

Сунь Ань прислоняется головой к стеклу, закрывает глаза, зажмурится до звездочек, открывает, видит все то же — бесконечное белое поле. Одно белое поле, не имеющее ни конца ни края, словно ткань из рулона раскинули и она покатилась — из купе* вниз по лестнице, на улицу.

Он зябко цепляется руками за плечи, сминая ткань тонкой рубашки. Холодно. И устало. Как же хорошо, что сейчас это не имеет никакого значения. Он чуть сдвигает ногу, чтобы нащупать сумку. Он все еще тут, это хорошо. Это успокаивает. В конце концов, сейчас у него и осталась только эта сумка.

Ван Сун, которая пару минут назад выгнала его из купе, появляется в проходе и, бросив на него задумчивый взгляд, в котором почти физически ощущается осуждение, проскальзывает мимо. Сунь Ань назвал ее шумной.

* Первая железная дорога в Китае появилась в 1875 году, ее под видом строительства конки проложила британская торговая фирма «Джардин, Мэтисон и Ко» от Шанхая до Усуна. Строительство велось без одобрения правительства династии Цин, и вскоре дорога была выкуплена и разобрана. Здесь и далее упоминаются перемещения героев на большие расстояния по железной дороге, по воде, в первую очередь они метафоричны, пусть и имеют под собой реальную основу. На карте таких дорог не найти, но их и не нужно искать.

Точнее, подумал, что она шумная. Дело не только в голосе — а тот у нее громкий, и говорит она всегда весомо, так, что ее слова гулко разносятся по пустым коридорам поезда, — но и в том, какая она сама: с прямой спиной, гордым взглядом, полыхающим уверенностью во всем, что она делает.

Ван Сун шумная, теплая, такая отчаянно-живая, что резани ножом — и кровь брызнет, запятнает кипучестью все вокруг. Снова какие-то неприятные метафоры, от которых веет смертью.

Но было в ней что-то еще — что-то, что не позволяло назвать ее просто шумной и раздражающей, некая опасная мудрость, какая бывает только у девушек, просто потому, что, как говорила одна его подруга, мужчины не умеют понимать мир, им эта способность не дается. Мудрость, похожая на горение вулкана — так глубоко, что никогда не увидишь дна, так предупредительно-опасно, что лучше и не пытаться.

Сунь Ань чувствует себя рядом с ней белым листом. Или бесцветной застиранной тканью, висящей рядом с новой красивой одеждой. Он — в белом костюме, в белой блузке, с волосами, строго заплетенными в коротенькую косичку. Сам бледный, только глаза покрасневшие, будто плакал. Он уже давно не плакал, хотя, может быть, ночью, пока спал. Тогда он не мог контролировать свое тело, и вполне возможно, оно немного его предавало, а пугать людей красными глазами приходилось ему. Впрочем, из купе его выгнали не из-за этого.

Ван Сун тоже была ученицей господина Эра. Точнее, могла бы ею стать, если бы господин Эр не уехал из страны, оставив ее. И не только ее, впрочем. Они пару раз виделись в прошлом у него в доме, однажды господин Эр позвал их всех на чай, но Сунь Ань зашел буквально на пару минут — отдать любимые учителем конфеты, Ван

Сун тогда мелькнула в дверном проеме — смеющаяся, вызывающе яркая, такая же яркая, как и сейчас, хотя и совсем маленькая, а потом — много раз снова, когда они с Чжоу Ханем вернулись в Китай. Чжоу Хань тогда еще хвалил ее чай, спрашивал название, а потом пару недель заваривал только его. И до сих пор только *заваривал*, в дурацком непонятном французском прошедшем времени. Уже больше не может.

Эта мысль ужасающей болью пронзает самое сердце, так, что Сунь Ань на секунду перестает дышать. Он снова жмурится до звездочек. Не помогает. Конечно, не помогает, как тут вообще что-то может помочь?

Поезд заходит на поворот, сумка немного съезжает, ударяется о стенку, и внутри что-то звенит.

— Так и будешь реветь? — Ван Сун встает у выхода из купе. Суровая, смотрящая цепко и внимательно, вся состоящая из сверкающего холодом до рези в глазах серебра, такого, из какого обычно куют броню.

— Я не знаю. — Дыхание снова приходится ловить, внутри легкие так тяжело болят, словно их насаживают на ребра.

— Я тебя не просто так выгнала, сходи, открой окно, подыши воздухом, что ли. — Едва ли она говорит это из глубокой заботы к нему. Скорее, из нежелания дальше смотреть на то, как он мучается.

Сунь Ань комкает в руках пиджак. Ладони замерзли и плохо слушаются.

— Ну ставь, — разрешает Ван Сун в момент, когда из соседнего купе выглядывает Ли Сяолун. Он тоже мгновенно решил воспользоваться плюсами пересеченной китайской границы — распустил косу и остриг волосы, правда, теперь из-за этого на одной стороне прическа кажется совсем куцей. Но Сунь Ань понимает. Он сам всегда не навидел эту косу.

Весь первый год во Франции он старательно отрачивал волосы — Чжоу Хань дразнил его и шутил, что Сунь Аню нужно в модели, раз он так печется о прическе, иногда бухтел, что Сунь Ань на самом деле не поддерживает идеи, а просто борется за право носить красивые прически*. Но Сунь Ань и не мог особо ничего возразить — он же правда злился, что не может расчесывать волосы так, как хочет.

Потом, правда, Чжоу Хань дарил ему красивые заколки, и от этих воспоминаний внутри все сжимается так, что снова хочется плакать, но Сунь Ань обещал себе, что больше не будет. Он и так один раз разревелся над банкой с прахом и переживал, что тот размокнет, а повторения такого не хотелось.

Он помнил день, когда они это обсуждали — они гуляли по Елисейским полям. Чжоу Хань ворчал на то, что Сунь Ань влез в очередные проблемы, а сам Сунь Ань что-то болтал про то, что хочет поступить в художественную академию.

— Тебе не хватает возни с делами в конторе? — спросил тогда Чжоу Хань.

— Это другое.

— Совсем нет.

— Ну и чего ты возмущаешься? — смеется Сунь Ань, а потом неожиданно спрашивает: — Поехали на выходные куда-нибудь в пригород? Я поспрашиваю, может быть, к кому-нибудь будет можно.

— Так ты хочешь в академию, чтобы найти больше богатых бездельников, к которым можно приезжать на выходные?

* Когда маньчжуры завоевали Китай, они принудили население носить косы: коса заплеталась на затылке или макушке, а у лба и на висках волосы выбривались. Когда тайпины начали восстание, они намеренно стали отпускать длинные волосы в знак неповиновения, за это их называли «длинноволосые» (чанмао).

— Разумеется, — кивает он, а потом протягивает руку и тыкает Чжоу Хань в нос. — Не морщись.

— Они меня раздражают.

— Ты можешь не ходить со мной.

— Но я хочу.

Сунь Ань закатывает глаза, но все еще чувствует себя бесконечно счастливым. На поезд, они, кстати, чуть не опаздывают и несутся по перрону, потом залезают на приступочек последнего вагона. Залезает Сунь Ань, а потом тянет на себя Чжоу Ханя, и пока они пытаются убраться на тесной площадке с другими опоздавшими, придерживает его за плечо.

Всю дорогу Сунь Ань спит на плече Чжоу Ханя под громкое чтение каких-то реплик из «Бури» с соседнего ряда.

— Можно было остаться спать дома.

— Тшш, — просит Сунь Ань. — Там дальше должна быть красивая строчка, — он вздыхает. — «Сон в горе — редкий гость; когда ж приходит, он утешение несет».

Сейчас он тоже шепчет эти строки, прислоняясь лбом к заледевшему стеклу. Кожа тут же немеет, но так даже лучше — лучше чувствовать боль, чем не чувствовать ничего.

— Можешь остаться у меня, если хочешь, — говорит Ли Сяолун, подходя ближе. — Если Ван Сун тебя совсем съест.

Но что делать, если уже даже сон не несет ничего, кроме ужаса, накатывающего после пробуждения еще сильнее?

— У тебя руки ледяные, — продолжает Ли Сяолун, касаясь его ладоней. Сунь Ань отодвигается.

— Неважно.

— Не трогай его, — сурово требует Ван Сун.

Ли Сяолун шикает на нее и увереннее берет Сунь Аня за руки.

— Пойдешь ко мне в купе?

Сунь Ань открывает рот, чтобы что-то сказать, но начинает кашлять — долго, сухо, прикрывая рот все теми же

ледяными руками, которые больно касаются щек, словно натянувшихся на костях от того, что он давно уже почти ничего не ест.

Ли Сяолун снова его касается — и это ощущается, как если бы огонь пожирал вставший на реке лед: больно, неприятно, сдирая с воды корку льда, как с ранки только запекшуюся кровь, — берет за локоть и тянет на себя.

— Пойдем.

— Вы же злитесь на меня, — удается сказать Сунь Аню, после чего он снова начинает кашлять. Грудь болит, словно на ней сидит снежный монстр — или ледяная кошечка из ночных кошмаров, когда ты вроде спишь, а вроде уже проснулся, и вокруг тебя бродит существо из другого мира, которое одновременно здесь и где-то далеко, и спасает только осознание, что рядом, на соседней кровати в крошечной комнате у самой крыши, Чжоу Хань, протяни руку — и коснешься. Он сам — как существо из мира за зеркалом, за водной гладью, с вечно ледяными руками, с темными в океанскую штормовую черноту глазами, с тонкой белой кожей, напоминающей дорогой фарфор, мягкий и суровый, говорящий из-за акцента на французском напевами, улыбающийся скупое, как святые на фресках в католических соборах.

Только теперь никого коснуться уже не получится.

— Ну, злиться надо на кого-то живого, а ты, судя по внешнему виду, тоже скоро помрешь, — честно откликнется Ли Сяолун, заводит его в купе, пытается забрать из рук Сунь Аня банку с прахом, и тот едва ее удерживает, потому что пальцы заледенели и плохо слушаются, но, оставив попытки, просто накрывает его своим же пальто. — Что будешь есть?

— Ничего, — Сунь Ань забивается в угол вагона и чувствует, как живот болит от долгого голода, но принципы важнее.

Он прижимает банку к себе, тоже заворачивая ее в пальто, а потом, немного повозившись, скидывает ботинки и залезает на кушетку с ногами. Ли Сяолун смотрит на его копошение внимательным, чуть-чуть печальным взглядом, а потом вздыхает, достает откуда-то фляжку и протягивает Сунь Аню.

— Это просто вода, если что, у тебя губы уже до крови потрескались, — говорит он, садясь рядом.

Сунь Ань не к месту думает, что похожим образом Чжоу Хань разговаривал с пугливыми уличными котятками — медленно подходил, предлагал еду, касался, чтобы получить их доверие. От этой мысли к горлу снова подкатывает ком, но он продолжает держаться.

— Ты не обязан. — Он снова кашляет и сжимается сильнее.

— Но хочу, — упрямо говорит Ли Сяолун. — Ты не можешь прятаться вечно.

— Вы сами от меня закрылись.

— И есть за что, — на этих словах Сунь Ань все же делает несколько глотков воды и, чуть ими не подавившись, прислоняет болящую голову к стене. Смотрит во тьму окна — интересно, если сейчас пролетит метеор, это будет душа Чжоу Ханя? Хоть одна из трех? Если бы он уделял больше времени изучению своей родной страны, то знал бы сейчас, где они.

Однажды Сунь Ань с Чжоу Ханем ездили из Парижа в Рим — господина Эра позвали на какую-то конференцию, он уехал, но благополучно забыл часть своих работ, поэтому им пришлось ехать вдогонку. Сунь Ань тогда не спал всю ночь, пытаясь разобраться в бумагах для конторы, поэтому заснул под мягкую качку почти мгновенно. Он любил спать на плече Чжоу Ханя — в этом было что-то доверительное, и когда он чувствовал, как

Чжоу Хань прислонился щекой к его макушке, почти сразу проваливался в сон.

Разбудили его, когда они прибыли к станции, — пока не Рим, а какой-то пригород, но Чжоу Хань знал, как долго Сунь Ань просыпается и возвращается в реальность, поэтому предусмотрительно делал это заранее. Он тогда поднял голову, чувствуя себя, откровенно говоря, плохо сварившимся киселем — таким же мягким и потерявшим форму.

— Долго еще?

— Час максимум.

— Хорошо, — Сунь Ань положил голову обратно.

— У тебя вся прически растрепалась, — рассмеялся

Чжоу Хань и медленно убрал пряди от его лица.

— Это все твое плечо виновато.

— Ну конечно.

Несколько минут они молчали, а потом Сунь Ань вздохнул.

— Мы же останемся на пару дней? Погуляем, посмотрим на руины.

— Давай, — соглашается Чжоу Хань. — Тогда ты съездишь к учителю, а я пока поищу нам гостиницу? Встретимся у колонны Траяна.

Сунь Ань кивнул и спрятал лицо у него в плече, а потом радостно зажмурился.

Сейчас голова неприятно стучается о стенку, отчего начинает болеть только сильнее. Сунь Ань почти физически чувствует взгляд Ли Сяолуна на себе, но решает его проигнорировать.

Тогда он опоздал почти на час, а потом начался дождь, и он бежал под ним, громко шлепая по лужам, надеясь, что они с Чжоу Ханем все же смогут найтись. Вода заливалась за шиворот, а волосы облепили лицо, и он тогда отстраненно подумал, что выглядит, наверное, просто кошмарно.

Чжоу Хань никуда не ушел, зато хозяйственно нашел где-то зонтик и стоял у самой колонны — Сунь Ань разглядел его даже через еще не успевшую рассеяться толпу людей, и вдруг заулыбался.

— Прости, я заблудился. — Он подошел ближе и залез под зонтик, правда, это сильно ситуацию спасти не могло.

Пока они шлепали по лужам вместе, Сунь Ань рассказал, что на конференции встретил очень красивую и солидную женщину — ее представили как жену какого-то ученого, но господин Эр потом объяснил, что она его коллежанка, и основная часть наработок принадлежит ей, и все это знают, просто Академия не хочет признавать ее достижения, так как она женщина.

— Это очень несправедливо, — все хмурился Сунь Ань. — Разве...

На языке крутилось: «Таким образом Академия не признает, что мужчины думают тем, что находится между ног?» — но он был слишком хорошо воспитан, чтобы говорить это вслух.

Чжоу Хань, кажется, уловил эту мысль без слов и хмыкнул.

— Она такая умная, знаешь! Мы с ней немного поговорили, пока я ждал учителя, она рассказывала мне что-то про археологические находки в Англии и что она сама ездила туда копать...

— Тоже вдохновился?

— Поедем в Англию? — оживился Сунь Ань. Они уже подошли к отелю и встали под крышей, чтобы Чжоу Хань мог стряхнуть с зонтика воду. Чжоу Хань на секунду замешкался, а потом поднял на него свои темные глаза.

— С тобой — куда угодно.

Как же иронично, что в итоге они туда едут, потому что Чжоу Хань умер.